

Норман Льюис
Достопочтенное
общество
Очерки о сицилийской мафии

Paulsen

Посвящается С. Дж. Перельману

10 июля 1943 года союзнические войска высадились на южном побережье Сицилии и, двинувшись на север, начали завоевание острова. Оккупация проводилась частично американскими, частично объединенными британско-канадскими силами; в командовании первых имелся также немногочисленный контингент французов-добровольцев. Англо-канадская армия, продвигавшаяся вверх вдоль восточного побережья, обнаружила, что враг плохо вооружен и почти не способен оказывать сопротивление. Плод серьезных инженерных усилий – деревянная раскрашенная пушка, выпускающая фейерверочные огни, – никого не обманул. Ключевые позиции оборонялись трофейными русскими орудиями, из которых невозможно было стрелять, потому что не удалось перевести инструкции по их эксплуатации. Командиры некоторых батарей понятия не имели о том, что их вот-вот атакуют, поскольку телефонные линии для связи этих батарей со штабом еще не были протянуты. В одном месте пехотинцы, отправлявшиеся в бой, накануне получили вместо боеприпасов партию губных гармоник. И все же следует отметить, что, испытывая нехватку вооружения, в пять раз уступая числом и имея в лице противника закаленных в боях ветеранов Африканской кампании, итальянцы сражались хорошо и порой даже отчаянно. Пять изматывающих недель, ряд жестоких схваток, несколько тысяч убитых и раненых – вот чего стоила британско-канадской армии их цель, город Мессина на северной оконечности острова.

Американцы, которым досталась, казалось бы, более трудная задача – покорение гористого центра и западной половины острова, – справились со своей частью операции очень быстро. Немного помедлив, видимо, в ожидании сигнала к выступлению, американская Седьмая армия внезапно начала стремительно продвигаться вдоль двух основных дорог в сторону Палермо и достигла северного побережья Сицилии всего за семь

дней, не сделав почти ни единого выстрела. Генерал Паттон впоследствии назвал эту кампанию «самым быстрым блицкригом в истории». И уж, конечно, она оказалась наименее «затратной»: после того как Седьмая армия оторвалась от своего берегового плацдарма, потери были ничтожны.

Ключевой позицией в итало-германской линии обороны являлась область горы Каммараты близ городов Виллальба и Муссомели, и там-то, на позициях над обеими главными дорогами, по которым предстояло перемещаться американцам, их поджидала готовая к бою смешанная бригада из моторизованной артиллерии, зенитных орудий и 88-миллиметровых противотанковых пушек в придачу с батальоном немецких танков, среди которых было несколько «Тигров». Место для редута на Каммарате было выбрано очень тщательно. Эта скалистая, уединенная местность с ее незаметными ущельями и пещерами, до которых можно было добраться по потайным тропам, была облюбована вооруженными повстанцами еще со времен Древнего Рима: там прятались отряды восставших рабов, чьи мятежи не удавалось подавить десятилетиями. А всего в нескольких милях отсюда, в сходной по условиям гористой местности, несколькими годами позже бандит Джулиано успешно давал отпор двум полностью оснащенным дивизиям силами всего лишь сотни своих подручных. Отряд защитников возглавлял полковник Салеми – ветеран, обладавший, по отзывам знавших его людей, неколебимым чувством долга. Ввиду отсутствия воздушного прикрытия полковник был полон пессимизма по поводу исхода предстоящего сражения, но нисколько не сомневался в своей способности приостановить продвижение американской армии на несколько бесценных дней, а может быть, даже недель. На деле Каммарата вполне могла бы подготовить американцев к печальному уроку Кассино.

* * *

Утром 14 июля, спустя четыре дня после высадки десанта, над городом Виллальба низко пролетел американский ис-

требитель, сделал круг и вернулся, чтобы уронить возле церкви какой-то пакет. На боку кабины самолета был распластан желтый флаг с черной буквой L, а когда пакет подобрали, в нем оказалась уменьшенная копия точно такого же флага. Пакет и его содержимое были переданы младшему капралу карабинеров Анджело Риччоли, ныне – главному сержанту полицейской службы в Палермо, который не прочь обсудить это происшествие со всяким, кого оно заинтересует. На следующий день самолет вернулся и уронил второй пакет – на сей раз неподалеку от дома виднейшего жителя Виллальбы – Калоджеро Виццини, для которого он и предназначался. Пакет подобрал слуга семейства Виццини, Кармело Бартоломео, который, должно быть, подглядывал через плечо хозяина, когда тот вскрывал пакет, потому что позже сообщил газетчику, что видел желтый носовой платок с инициалом L. А хозяин Бартоломео, Калоджеро Виццини, известный всем как дон Кало́, являлся главой мафии всей Сицилии и, будучи таковым, почитался всеми сицилийцами как самый могущественный человек на острове.

На следующее утро, 15 июля, из Виллальбы в соседний городок Муссомели верхом на лошади выехал гонец. Он вез письмо от дона Кало к Джузеппе Дженко Руссо, в ту пору считавшемуся вторым по важности человеком в мафии после самого дона Кало. Это письмо, которое гонцу было велено проглотить, если его перехватят, было написано на мафиозном жаргоне и сообщало, что некий мафиозный главарь по прозвищу Тури 20 июля будет сопровождать американскую моторизованную дивизию до Черды (городка милях в пяти от северного побережья), между тем как сам он, дон Кало, в тот же день отправится вместе с основным корпусом армии. К Дженко Руссо дон Кало обращался с просьбой позаботиться о безопасности и удобстве американцев в его отсутствие.

20 июля – надо заметить, что в это время авангард Седьмой армии находился еще в тридцати милях отсюда – одинокий джип вырвался вперед, чтобы захватить в Виллальбу и увезти с собой незаменимого дона Кало. Однако джип сле-

лал в одном месте неверный поворот, попал под огонь итальянского патруля, и один из сидевших в нем людей погиб. В тот же день, но позже три американских танка совершили повторную попытку – и она оказалась успешной. Над одним из этих танков развевался все тот же желтый флаг с черной буквой L, а когда танк остановился на главной площади, из орудийной башни вылез офицер, заговоривший на чистейшем сицилийском диалекте этой местности.

Жители Виллальбы, присутствовавшие при встрече между этим офицером и грозным доном Кало, говорят, что американцев, похоже, удивило присутствие самого легендарного главаря мафии во плоти. Дон Кало явился на сцену в своем привычном наряде – в одной рубашке и подтяжках, с хладнокровным видом вышел вразвалку навстречу группе явно нервничавших, взволнованных американских солдат, стоявших под пушками своих танков. В ту пору ему было шестьдесят шесть лет, он был грузным мужчиной с вялым выражением лица, но глаза его так и бегали, будто ящерицы. Неряшливая одежда и лаконичная речь дона Кало были характерными чертами поведения мафиози. Главе мафиозного клана не полагалось выделяться ни дорогой одеждой, ни чем-либо еще, и порой, как и в случае дона Кало, это небрежное отношение к собственной внешности доводилось до крайности. Если вспомнить описание князя ди Лампедуза, то можно подумать, что дон Кало был братом-близнецом дона Калоджеро Седары – небритого и неразборчивого в средствах мэра-мафиозо из романа «*Леонард*»¹.

Дойдя то того места, куда падали тени от танковых орудий, дон Кало извлек из кармашка желтый носовой платок, сброшенный с самолета, и показал его офицерам. Дона Кало и его племянника Домиано Люмиа, который вернулся из Соединенных Штатов незадолго до начала войны, пригласили в один из танков. Танк тронулся, и за ним последовали остальные два. Рассказывали, что в течение всей этой сцены дон Кало, оставаясь верным репутации человека, который предпочитает словам дело, даже рта не раскрыл.

На следующее утро, 21 июля, на высотах Каммараты, видных из города, обнаружилось, что две трети подчиненных полковника Салеми дезертировали. Впоследствии некоторые из них говорили, что в ту ночь к ним явились агенты мафии и стали убеждать в безнадежности их положения, затем выдали им гражданское платье и все остальное, что требовалось, чтобы вернуться по домам. В тот же день самого итальянского командира арестовали, заманив в ловушку, когда тот проезжал через Муссомели, и мафия заточила его в городскую ратушу. В четыре часа пополудни 21 июля марокканские войска под командованием генерала Жуэна, с расвета ждавшие в деревушке Риффи приказа продвигаться, получили долгожданный сигнал от сицилийского агента из Муссомели и начали наступление. Битва при Каммарате завершилась без единого артиллерийского выстрела.

Дон Кало отсутствовал в своей столице шесть дней. За это время Седьмая армия разделилась на две колонны, одна из которых, двинувшись прямо на север по дороге Агридженто–Палермо, достигла Черды, где и встретилась со второй колонной, которая явилась туда, совершив большой обходной маневр через Джелу, Пьяццу-Армерину, Никозию, Мистретту и Санто-Стефано – города, все до одного известные как оплоты мафии. Как и указывалось в письме к Дженко Руссо, дон Кало полагал, что его миссия заканчивается в Черде. Здесь уже другие мафиозные лидеры должны были возложить на себя свою часть ответственности.

В действительности, хотя в ту пору дон Кало являлся признанным главой мафии, в руководимой им цепи имелись некоторые слабые звенья. Яростная атака Муссолини на Достопочтенное общество, как называли себя его члены, потрясла его устои, сделав внутренние связи, пожалуй, слабее, чем когда-либо прежде. Многие из лучших умов спешно обратились к фашизму. Другие в 1943 году все еще находились в *confino*,² их только готовились освободить. В самом сердце западной Сицилии, этого оплота крупных феодальных поместий, дон

Кало, оказавшийся не по зубам даже Муссолини, оставался абсолютным владыкой; но в прибрежной равнине между Чердой и Палермо сатрапы-мафиози уже привыкли к независимости, и обходиться с ними следовало дипломатично. Теперь первая задача дона Кало заключалась в том, чтобы вновь укрепить ослабевшие связи внутри организации.

К тому времени, когда Калоджеро Виццини вернулся в Виллальбу, война в западной Сицилии уже закончилась. Он всю свою жизнь посвятил тому, что мафия называет «завоеванием почета», и сейчас пользовался поистине безграничным уважением. Союзники окрестили его «генералом от мафии». Лежала ли на нем в действительности ответственность за стратегию, которую избрали американцы в западной Сицилии, или нет, его сторонники ничуть в этом не сомневались, и никто не мог бы отрицать, что мафия постаралась устранить все препятствия, какие могли встретиться на пути американской армии, тогда как в это самое время на востоке британцы с канадцами продолжали с неимоверными усилиями прокладывать себе дорогу по склонам Этны, а до желанной цели – Мессины – им предстояло добраться лишь через три недели.

А вот война в западной Сицилии завершилась бескровно, быстро и ко всеобщему удовлетворению – если не считать немногочисленных стойких старших офицеров, верных союзу Оси, вроде незадачливого Салеми. Сицилийцы, всегда остававшиеся антифашистами, сейчас, безусловно, являлись и антиитальянцами. Если они теперь и чувствовали себя связанными узами кровного родства, то лишь с Америкой, где к 1943 году два миллиона сицилийцев, или американцев в первом или втором поколении, имевших сицилийское происхождение, жили в условиях почти невероятного по островным меркам процветания. Многие островитяне целиком зависели от денежных сумм, которые присылали им родственники, перебравшиеся в Штаты. Кроме того, американская разведка позаботилась о том, чтобы выходцы с Сицилии составляли не меньше пятнадцати процентов от общей численности войск, десантировавшихся на остров.

Тем временем ненависть к войне уже разгорелась так сильно, что вскоре после начала вторжения сицилийцы из гражданского населения кое-где напали на военные лагеря итальянцев, оставленные без присмотра войсками, устремлявшимися к береговым плацдармам, и уничтожали их. Для сицилийцев сопротивление любого рода означало лишь томительную отсрочку оккупации, о которой единодушно мечтали все островитяне.

* * *

У этого счастливого завершения военных действий на западно-сицилийском фронте, ознаменовавшегося появлением желтых флагов и носовых платков, имелся прецедент. Обмен шелковыми платками широко практиковался в мафиозной среде: такие платки служили своего рода паролями в тех случаях, когда нужно было установить личность, не посвящая при этом в секрет посторонних. В 1922 году некий Лотто, ассоциированный член мафии Виллальбы, совершив возмутительно плохо спланированное убийство, так нагло пренебрег всякими попытками скрыть преступление, что стало ясно: арест убийцы и тюремное заключение неизбежны. Такая дерзкая самонадеянность шла вразрез с правилами мафиози, которые предписывали обязательно консультироваться и получать одобрение на высшем уровне, прежде чем ликвидировать жертву. Однако предоставить «человека чести» своей судьбе означало бы нанести урон престижу и власти мафии, а также серьезно ударило бы по репутации самого дона Кало, которому не хотелось «терять уважение». А потому он распорядился, чтобы Лотто объявили сумасшедшим и поместили в лечебницу для душевнобольных преступников в Барчеллоне, где среди персонала особенно прочно закрепились мафиози. Вскоре после прибытия в лечебницу Лотто умер – официально. «Труп» увезли для похорон в специально изготовленном, хорошо проветриваемом гробу, после чего Лотто выдали фальшивые документы и переправили в Соединенные Штаты. По прибытии в Нью-Йорк он был встречен группой друзей,

предупрежденных о его приезде, и рекомендовался им, вытаскивая желтый шелковый платок, который дал ему дон Кало. На том платке был вышит, соответственно, инициал С (Calogero).

А жирная черная буква L на флагах, развевавшихся в те судьбоносные июльские дни над Виллальбой, означала имя Лучано. Лаки («Счастливчик») Лучано, некогда носивший имя Сальваторе Лукания, родился в Леркаре-Фридди – соседнем небольшом городке на главной дороге от Виллальбы до Палермо, и, будучи главой мафии в Соединенных Штатах – а им он сделался почти безусловно, – Лучано, несомненно, регулярно поддерживал связь со своим «собратом» на Сицилии. В 1943 году Лучано, признанный виновным по шестидесяти двум эпизодам принуждения к занятию проституцией, отбывал тридцатипятилетний срок тюремного заключения. Незадолго до того его по просьбе военно-морских сил США перевели из государственной тюрьмы в Даннемаре – самого строгого места заключения, известного в криминальном сообществе под названием «Сибирь», – в тюрьму Грейт-Медоуз, где заключенному было удобнее встречаться с группами морских офицеров в штатском, которые приходили к нему для переговоров.

В феврале того года – за пять месяцев до вторжения на Сицилию – он подал через своего адвоката, Джорджа Вольфа, апелляцию об уменьшении срока своего заключения в связи с «услугами, оказанными нации». Вслед за этим, в 1945 году, он предстал перед государственным советом по условно-досрочному освобождению, где морские офицеры разведки, призванные в качестве свидетелей, проявили, видимо, некоторую щепетильность. Что бы ни обещалось Лучано взамен сотрудничества – а Лучано утверждал, что обещалась ему свобода, – представители флота отказывались признаваться в том, что замешаны в эту историю. Освободили же Лучано и переправили в Италию благодаря действовавшему в качестве частного лица командиру Хаффандену – морскому офицеру, принимавшему основное участие в упомянутых переговорах, и благодаря его конфиденциальной переписке с членами совета по досрочному освобождению.

Покойный сенатор Эстес Кефвер, председатель Сенатского комитета по расследованию преступлений за 1950–1951 годы, в своей книге «Преступление в Америке» упоминает о подоплеке этих событий.

Во время Второй мировой войны у нас много толковали о якобы ценных услугах, которые Лучано, в ту пору заключенный, будто бы оказал военным властям в связи с планами вторжения в его родную Сицилию. Мы изучили этот вопрос и обнаружили несколько противоречащих друг другу историй. Это один из пунктов, по которому комиссия допросила бы губернатора Дьюи, смягчившего наказание Лучано, если бы губернатор не отклонил наше приглашение явиться в город Нью-Йорк, чтобы выступить перед комиссией в качестве свидетеля.

Одна история, которую мы услышали от Моисея Полякова, поверенного при Меере Ланском, гласит, что военно-морская разведка решила прибегнуть к помощи Лучано и попросила Полякова выступить посредником. Поляков, который представлял Лучано, когда тот был приговорен к заключению, сообщил, что он, в свой черед, заручился помощью Ланского, старого товарища Лаки, и что в итоге было устроено пятнадцать или двадцать встреч, в ходе которых Лучано передал офицерам разведки некую информацию.

...С другой стороны, Джордж Уайт из Федерального агентства по борьбе с наркотиками, который в течение нескольких месяцев служил нашей комиссии в качестве следователя, свидетельствовал, что к нему явился от имени Лучано некий наркоторговец по имени Аугусто Дель Грацио. Дель Грацио утверждал, что «действует от лица двух поверенных... и... Фрэнка Костелло, который возглавлял движение за освобождение Лучано из тюрьмы,» как рассказал Уайт.

«Он [Дель Грацио] сообщил, что у Лучано имеются обширные связи с итальянским преступным миром и что Лучано – один из главных членов мафии», – засвидетельствовал Уайт. Предлагаемая сделка, продолжал он, состояла в том, что Лучано мог бы использовать свое положение в мафиозной иерархии, чтобы уста-

новить нужные контакты для американских тайных агентов, “а в таком случае Сицилия окажется куда более легкой мишенью для интервентов, чем если они будут действовать напролом”.

Относительно того, что последовало за этими переговорами, существует множество апокрифических историй, и некоторые из них поражают своей неправдоподобностью. Например, рассказывали, будто бы Лучано тайком выпустили из тюрьмы в 1943 году, чтобы он лично сопровождал американские силы вторжения, будто бы его видели гуляющим на свободе по городу Джела, где был устроен первый штаб Седьмой армии и будто бы даже он сам находился в составе экипажа того танка, который заезжал в Виллальбу за доном Кало. Однако не существует достоверных доказательств того, что дон Кало и Лучано встречались до 1946 года, когда они поселились в соседних номерах палермской гостиницы, куда прибыли для создания сицилийской сепаратистской партии.

* * *

На следующий день после возвращения дона Кало в свою столицу в казармах карабинеров состоялась небольшая закрытая церемония, в ходе которой американский офицер по гражданским делам назначил дона Кало мэром. Рисунок, сделанный с фотографии, передает дух этого исторического момента. На нем изображен дон Кало (согласившийся надеть по такому случаю неопрятный пиджак), слушающий, как чиновник по гражданским делам, которому сообщили, что новоиспеченный мэр неграмотен, зачитывает документ о предоставлении ему почетной должности. Передал художник и то, что внимание дона Кало отнюдь не целиком приковано к церемонии: один глаз он скосил в сторону, словно его отвлекает нечто, происходящее у него за спиной. На самом деле в это время на площади внизу собралась радостная толпа, и среди прочих криков, к легкому смущению дона Кало, раздавались и возгласы: «Да здравствуют союзники! Да здравствует мафия!».

В тот же вечер новый мэр устроил прием для офицеров-союзников – «овец», как называл их дон Кало, – и для избранного круга друзей. Другьями этими были члены мафии Виллальбы и те мафиози-знаменитости из ближайших окрестностей, кто успел откликнуться на присланные приглашения. У некоторых из них волосы еще не отросли, а лица хранили бледность после муссолиниевских тюрем. Дон Кало представил их американским офицерам как жертв фашизма – и это было правдой. Его теплые рекомендации убедили американских военных, и те легко согласились выдать всем разрешения на ношение огнестрельного оружия – «чтобы предотвратить возможность любой попытки фашистского переворота». Вот так дон Кало вернул себе вооруженных телохранителей, которых отобрал у него Муссолини в 1924 году. Первой из многочисленных жертв этого восстановления демократии стал Пьетро Пурпи – тот маршал³ карабинеров, чьей печальной задачей было поставить свою подпись под разрешением на ношение оружия.

Следующий шаг дона Кало оказался еще важнее – мало того, он оказался настолько важным, что Сицилия и по сей день не оправилась от его последствий. Он составил список подходящих кандидатов на должности мэров для всех городов западной Сицилии, и список этот американцы также одобрили. Многие из этих поборников демократии, указал дон Кало, провели долгие годы в тюремном заключении. По-видимому, ни у кого не нашлось времени, чтобы проверить его утверждение, будто названные им соискатели понесли кару за свои политические взгляды – а не за самые разные преступления – от вооруженных нападений на поезда до многократных убийств. Всего через несколько дней мэрами половины сицилийских городов сделались члены мафии либо те, кто поддерживал с ней тесную связь. В придачу один-два из них в прошлом были бандитами. Заслуживает внимания назначение Серафино Ди Пери мэром Болоньетты, что возле Палермо. Первым делом, заняв пост главы муниципалитета, Ди Пери сколотил банду из 109 головорезов, которая затем в течение пяти лет держала в страхе окраины

Палермо. Благодаря полному непониманию американскими военачальниками ситуации мафия впервые оказалась у власти напрямую, тогда как в прошлом она лишь распространяла свое влияние косвенно, через коррумпированных государственных чиновников. За считанные дни злой гений дона Кало сумел возместить изрядную долю ущерба, нанесенного Достопочтенному обществу за двадцать лет фашистского режима. Теперь, в отсутствие законно учрежденного правительства, главари мафии сделали настоящими правителями Сицилии.

Церемония с причудливым налетом архаики положила конец этому периоду. Предложение, шепотом высказанное союзникам, не осталось без внимания, и вскоре муниципалитет Виллальбы получил в подарок два грузовых «фиата» и трактор, взятые с покинутого итальянцами базового склада. Грузовики нашли успешное применение на черном рынке, а трактор продали на металлолом. Вслед за этим на дону Кало посыпались подарки со всей Сицилии. Каждая видная личность стремилась внести свой вклад в эту щедрую лавину муки, сыров, макарон и краденой боевой техники. Под невинным взглядом военной администрации союзников сам собой возродился старинный обычай, восходивший еще к эпохе норманнского короля Сицилии Рожера⁴. Дон Кало во второй раз в жизни сделался феодальным властителем, а стекавшиеся к нему дары являлись данью вассалов, которые признали в нем своего синьора и покровителя.

* * *

Странное дело, но далеко не все, кто приходил позжать руку дону Кало или вручить ему церемониальное приношение, были подхалимами. Если не считать естественного чувства трепета, которое он внушал, многие искренне восхищались главой мафии, а даже те, кому довелось стать его жертвами, порой не в силах были удержаться от ворчливых слов уважения. Дон Кало был прирожденным художником в искусстве подчинять себе людей – как через их страх, так и через их привязанность. Его невероятное достоинство, джонсоновская⁵ сжатость его ред-

ких, но веских высказываний, величаяя непререкаемость его суждений – все это отвечало человеческой потребности в сильном вожаке. Даже образованные и умные люди сознавались в том, что сами испытывали на себе действие странной силы притяжения, которой нередко обладают «крестные отцы» и которая, безусловно, исходила от дона Кало. Мэр Виллальбы только покачал бы головой и подивился бы ребячеству всякого, кто всерьез счел бы его преступником. Он-то, можно не сомневаться, видел себя главой самозванной аристократии духа, которой и были вверены, словно бы неким божественным правом, сокровенные тайны правления. Он верил в самого себя, как мог верить только мафиозо, и этой бесстрастной, невозмутимой верой, что сродни религиозному фанатизму, – и едва ли не силой телепатической связи – он вынуждал окружающих тоже становиться верующими. Дон Кало был уверен, что только он один – вдохновенный реалист, стоящий во главе мафии, способен управлять Сицилией так, как ею должно управлять, а если бы кто-нибудь осмелился оспорить это его убеждение (которое он, кстати, никогда не удосуживался сформулировать на словах), он бы немедленно указал на полную разруху, в которой Муссолини оставил остров всего после двадцати лет фашистского – не мафиозного – правления. Подобные мафиози старой закваски являлись преступниками лишь в глазах закона и абстрактного правосудия – а также в глазах крестьян, которых эксплуатировала мафия, хотя с ними дело обстояло довольно запутанно. Для остальных членов общества мафиози оставались «уважаемыми людьми», чьи благие намерения пусть и непостижимы, зато искренни.

Разговор, состоявшийся пятнадцатью годами позже, уже после смерти «крестного отца», между газетчиком и шофером дона Кало, выявил любопытную грань характера этого выдающегося персонажа.

– Дон Кало хорошо платил вам?

– Я от него ни разу даже лиры не получал.

– Вы хотите сказать, что он не платил вам за работу? В таком случае, на что же вы жили?

– Ну, вы бы, наверное, сказали, что я его обворовывал. К примеру, я говорил ему, что нам нужны новые шины для автомобиля. Или там бензин, или масло. Однажды я сказал ему, что нужно купить новый мотор. А деньги я просто клал себе в карман. Он ни слова не говорил.

– Но разве он не понимал, что на самом деле творится?

– Конечно, понимал. От него ничего не ускользало. Дон Кало прекрасно знал обо всем, что происходит. Его просто устраивало такое положение. Он никогда мне не платил, я обманывал его, а он притворялся, будто ничего не замечает. Это вполне его устраивало.

Слово «мафия» происходит, вероятно, от арабского слова, звучащего так же и означающего «убежище». А потому оно неизбежно заставляет вспомнить о незавидном положении, в котором оказались относительно цивилизованные сарацины после завоевания Сицилии норманнами в XI веке. Арабы разделили землю на маленькие наделы и внедрили систему искусственного орошения полей. Их правление было мягким и благотворным – по сравнению с любыми другими властителями, каких только видел остров прежде – и увидел впредь. Если бы они остались, то, скорее всего, Сицилия сравнялась бы с Испанией по уровню процветания и цивилизации, но норманны вытеснили сарацин, и страна снова погрузилась в полярную ночь феодализма. Большинство арабов-земледельцев превратились в крепостных при возрожденных обширных поместьях. Некоторые из них подались в «мафию».

Таков костяк вероятных событий прошлого, который удалось выявить историкам. Но, если копнуть еще глубже, то сразу открываются куда более древние корни данного явления. Можно обнаружить архаичные – и даже восходящие к бронзовому веку – составляющие в приземленном, циничном материализме людей, входящих в Достопочтенное общество. В пору переломов люди вроде дона Калоджеро Виццини порой ведут себя не как крупные воротилы черного рынка двадцатого века, а скорее как *personae*⁶ из древнегреческой трагедии: мотивы их поступков зачастую настолько далеки от наших, что просто не поддаются пониманию. Этот иррациональный – с нашей точки зрения – элемент в поведении мафии ярко проступает, например, в великой междоусобной расправе между семьями Барбачча и Лорелло из Годрано, городка близ Палермо.

Две семьи поссорились еще в 1918 году из-за обладания небольшой рощей. Сам предмет спора, пожалуй, очень важен, по-